

Не забывается такое...

Петра Ефремовича Алексеева нельзя назвать простым жителем Новобелицы. Его предки Алексеевы - одни из первых жителей-основателей ныне района города, а тогда отдельного посёлка, 90 лет - это не только возраст нашего героя, но и годы его прописки в Белице. Здесь прошли его бесстрашные резвые детские и подростковые годы, отсюда он уходил на войну, любил и трудился на жировом комбинате.

Сегодня, когда здоровье уже совсем не то, Пётр Ефремович вспоминает прошедшее время. Слушая его, можно только удивляться, как умело хранит он в памяти каждый денёк прожитой жизни. «Как же хочется успеть всё вам рассказать», - говорит он...

КАБРИОЛЕТЫ В 30-Х

Я родился в семье строителя-каменщика и домохозяйки.

Отец был очень известным и уважаемым человеком в то время: он закладывал первый камень на строительстве Гомельской центральной электростанции в 1922 году. Когда в 1934 году он умер, на похороны собралась вся Белица.

В моём детстве были популярны всевозможные игры на проверку смелости. В те годы на месте Гомельского жирового комбината было болото, и когда зимой оно замерзло, мы с ребятами катались там на санках. У нас была одна интересная забава: пробивали лунку во льду и до самого дна забивали в неё толстое бревно. А на выступающую часть бревна набивали железную пластину с отверстием, куда забивалась ось, на которую насаживалось колесо от телеги.

К колесу привязывалась жердь, на концы которой цеплялись санки. Старшие парни раскручивали колесо, а мы как на карусели катались по кругу.

В 1927 году, когда мне ещё не было и пяти лет, мы с семьёй, усевшись на телегу, поехали к моей прабабушке в Бардино (за Гомелем, в сторону Костюковки). Там мне запомнилось немного: три или четыре дома, в одном из которых проживала сестра моей бабушки — Устинья со своей семьёй, а в другом, старом большом доме - брат бабушки Савелий. Помню, было лето, а он сидит на лавочке в валенках... Наверняка, болели ноги.

Большая конюшня с сеновалом, хозяйственная постройка, которая когда-то была кухней для приготовления еды животным. Это всё, что я помню...

В 30-е годы с Белицы до Гомеля ходил пассажирские автобусы на 15 человек марки «Фиат» с открытой крышей, как в современных кабриолетах.

Часто я бывал у своей бабушки по матери, помогал, чем мог, в основном принеси-подай, дедушке помогал делать сток. У них была хорошая баня, ходили туда всей семьёй. Бабушка была у нас с характером, но меня она очень любила и жалела. Там был яблоневый сад, и никто, кроме хозяев, не имел права туда заходить. мне почему-то разрешали. Зайду в сад, наберу за пазуху яблок и выношу для всех. Приятное чувство, когда тебе

позволяется что-то такое, что нельзя другим.

В 1929 году моя сестра Нюра уже работала в бухгалтерии Гомельской электростанции, ещё не была замужем. Девушка она была видная, интересная, понравилась одному человеку по фамилии Жданович. Очень культурный и представительный, намного старше сестры, он стал ухаживать за ней и в один из дней приехал на легковой машине. Не стану говорить, что в те времена значила и стоила машина - это верх всего. И, конечно же, я не мог не уговорить сестру, чтоб та попросила своего Ждановича покатасть нас, что тот и сделал. Для меня это было великим событием.

Но автомобили в то время уже были. С Белицы до Гомеля ходили пассажирские автобусы на 15 человек марки «Фиат» с открытой крышей, как современные кабриолеты.

ЯРМАРКИ КРАСКИ

В 1928 году был с матерью на ярмарке в Гомеле. Огромнейшая! На ней продавали домашний скот, мясо, яйца, творог, молоко, масло, мёд разных сортов. Рядом с большой чашей лежали большие ложки, и все, кто хотел, могли попробовать продукты. Никто никого не ограничивал в пробе. Чего там только не увидишь! Мастера ткали холсты, китайцы точили ножи. Они, кстати, жили в Гомеле ещё с царского времени, тогда было проще с проживанием и оформлением документов. Помню, что рядом с ярмаркой на центральной площади находилась пожарная каланча и совсем рядом - огромный костёл. Бывало, мы с матерью заходили в костёл, где находился большой красивый орган. Когда

же начались гонения на церковь, его разрушили. Закрыли не только костёл, но и многие церкви. А в Петропавловском соборе был установлен маятник Фуко. Но люди всё равно тайно молились, крестили своих

детей и праздновали религиозные праздники.

КИНО В ГОМЕЛЕ

С самого раннего детства я полюбил кино, а оно тогда было только немое. Первый раз я попал на киносеанс в шесть лет и старался больше не пропускать. В кино мы ходили без разрешения, вернее, не ходили, а лазили через чердак по балкам, за которые цеплялись кулисы, спускались вниз по лестнице, а затем пролезали под сценой и пробирались в зал. Когда мы с ребятами стали постарше, то нас пропускали (но только по большому знакомству) на третий сеанс.

А билет на балкон, помню, стоил 5 копеек. Я завёл тетрадь, в которую записывал содержание всех просмотренных фильмов, даты сеансов, имена героев, актёров, только что иллюстрации не рисовал. Занимался я этим конспектированием до самой войны.

Первый звуковой фильм в Гомеле показали в начале 30-х годов, и назывался он «Путёвка в жизнь». Мама за мои «нелегальные» походы в кино сильно наказывала. Обычно после таких наказаний я садился и пересказывал сюжет кино маме.

В то время показывали фильм «Наездник из Уальдвеста», первую серию я опять же нелегально просмотрел, был наказан и всё равно пересказал всё маме. На просмотр второй серии я не попал из-за болезни. До чего же я удивился, когда пришла мама и попросила сходить в кино на вторую часть, даже давала деньги на билет, но из гордости я не пошёл. Мама обиделась...

БЕЛИЦА ВОДНАЯ

Тогда по речке ходили тихходные колёсные пароходы. Мы с ребятами решили забраться по рулю на

пароход. Самым важным было при прыжке с парохода не угодить в крутящееся колесо, но при этом попасть между волной и бортом. А тут ещё матрос с палкой гоняет. На одном из таких пароходов капитаном был мамин родственник. Естественно, он меня узнал и рассказал ей об этом. Конечно же, и тут без наказания не обошлось.

В конце 20-х годов в Новобелице был прорыт канал, который соединял озеро Шапор и реку Сож. По этому каналу сплавляли брёвна для канифольного завода и спичечной фабрики «Везувий». Когда в начале 30-х годов начали выпускать продукцию, в реку сливалось большое количество химических отходов, от чего гибло огромное количество рыбы.

В конце 20-х годов в Новобелице был прорыт канал, который соединял озеро Шапор и реку Сож. По этому каналу сплавляли брёвна для канифольного завода и спичечной фабрики «Везувий». Брёвна сплавлялись безостановочно, мы с ребятами постоянно перебирались по ним на другую сторону.

Хорошо помню, как начали строить канифольный завод, сейчас это фабрика «Гомель-обои». Когда в начале 30-х годов начали выпускать продукцию, в реку сливалось большое количество химических отходов. Так как очистных сооружений ещё не было, пропало очень много рыбы (в народе гибель рыбы называли «придухой»), которую многие жители ходили собирать мешками.

Рядом с ярмаркой на центральной площади находилась пожарная каланча и огромный костёл. Когда же начались гонения на церковь, его и многие церкви в городе разрушили. А в Петропавловском соборе был установлен маятник Фуко.

Местные власти пустили транспортный катер «Гомель-Белица». Я всегда был подвижным мальчиком, поэтому без опасных авантур прожить

не мог. Вот и придумал очередной подвиг: поднырнуть под движущийся плывущий катер и вынырнуть с другой стороны. Когда я предложил это ребятам, они испугались. Пришлось делать всё самому. Когда шёл катер, я под него поднырнул и проплыл по дну на противоположную сторону. Ребята с испугу даже решили, что я погиб.

У нас в семье была лодка. В то время, кстати, лодки ценились на вес золота.

ГОДЫ ПИОНЕРСКИЕ

В 1933 году в Новобелице построили школу по улице Володарского: двухэтажная, легкотипная, каркасная. Она ещё не работала, но её уже сдали в аренду под пионерский лагерь. Когда я первый раз зашёл туда, было время утреннего построения и поднятия флага. Так случилось, что верёвка оборвалась и сорвалась с колёсика. Многие ребята пытались залезть по столбу и прицепить эту верёвку, но до самого верха никто не поднимался. Тогда я попросил разрешения у пионервожатого забраться на столб, он посмотрел на меня с сомнением, так как я был ещё мал, но всё же разрешил. Вожатый даже моргнуть не успел, как я быстро со всем справился. Все захлопали в ладоши, а меня отвели на кухню, очень хорошо накормили и ещё дали с собой немного хлеба. Это было время голодовки 1932-1934 годов.

В Чёнках уже тогда устраивались пионерские лагеря. В 1932 году моя сестра была на комсомольских сборах, а брат был уже в пионерском лагере.

В мои пионерские годы летом город делился на 2-3 квартала, назначался руководитель - пионервожатый, который организовывал детский досуг: ходили в кино, посещали разнообразные кружки по интересам и устраивали встречи с участниками гражданской войны. А на Лысой горе, в районе современной

улицы Высокой, жгли пионерский
костёр...

(Продолжение следует).

**Юлия МИТРАХОВИЧ,
«ГВ».
Фото из семейного архива
Петра Алексева.**